

Владимир Жуков

**СКЕЛЯ
И
КРЯЖ**

ЮМОР, САТИРА, КУРЬЕЗ!

18+

Владимир Александрович Жуков

Скеля и Кряж

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34113286

SelfPub; 2018

Аннотация

Сюжетами для цикла стихотворений стали юмористические, трагикомические и сатирические истории из реальной жизни. Автор, следуя изречению поэта Алишера Навои о том, что «недуг нередко сахаром целят, но иногда приносит пользу яд», острым пером вскрывает метастазы социальных пороков.

Содержание

Скеля и Кряж	4
Светская львица	37
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Скеля и Кряж

Курортный роман

Одарка Скеля, в санаторий прибыв,
Во всем искала выгоду и прибыль
В колхозной кашеварила столовой,
Поэтому разъелась, как корова.
С харчей, снимая постоянно пробы,
Взрастила ненасытную утробу.
Проблемой аппетита не страдала,
Взяла с собой семь килограммов сала,
Два чемодана лихо притащила,
Ее природа силой наделила.
Как будто отобрала для сумо
Сама багаж составила с умом.
Ведь ради экономии дензнаков,
Упаковала оптимально с гаком.
Одежды минимум и максимум харчей,
Чтоб не сосал под ложечкою червь.
Наслышана, что кормят скудно,
А без жратвы печально, нудно.

Консервами хохлушка запаслась,

Для отдыха, лечения, жизни всласть.
На грязи из Полтавы прикатила.
Ей тридцать лет, младенца не родила.
Бесплодие, как приговор, диагноз.
Одна надежда, что помогут грязи.
Излишний вес тому причина,
Ест до отвала гарная дивчина.
Вес —145 кг, рост – 190.
Такую тушу прокормить непросто
И потому с собой взяла харчи,
Чтоб жевать, когда живот урчит.

– Вам надо строго соблюдать диету, —
Давал сексолог точные советы. —
Вы тяжелы, как будто из металла.
Хот-дог не ешьте, не смакуйте сало
Вкушайте фрукты, овощи и соки
И сразу похудеете до срока.
Исчезнут складки жировые,
Появятся желания шальные.
Пока инстинкты человеком правят,
Ему нужны интимные забавы.
– А как по мне, дружок любезный,
Что в рот полезло, то полезно, —
Ему Одарка гордо отвечала
И головой, как маятник, качала. —

Ведь едоку сам организм подскажет,
На блюдо очень вкусное укажет.
И потому не обессудьте, снова
Желудок свой я радовать готова.
– Вы ешьте, чтоб калорий было мало
Да, – головой опять она кивала,
А на досуге сало уминала.
Национальный сей продукт
Хохлы не зря наркотиком зовут.
А чем еще, прикажите, гордиться?
На сале том откормлена девица.
«Меню в столовой лишь на зуб.
С таким питанием, как ходячий труп, —
Взирая в блюда, сетовала Скеля.
Вес прибавляла, грамма не худея.

Цыбулей номер, чесноком пропах,
Лоснилось сало на ее губах...
Косметику, крем презирала,
Усердно щеки салом натирала.
И обходилась без помады,
Ведь часто ела, ритуала ради.
И вскоре тараканы завелись,
Такая ей была по нраву жизнь.
Когда вокруг курортницы гудели,
Мол, баба-чудо в богатырском теле.

Одарка гордо, твердо отвечала:
«Нет от того ни грусти, ни печали.
Зимой тепло, а летом – много тени».
Соперницы от истины немели.

В уютный кабинет, придя с утра,
Протиснулась ходячая гора
В лице невозмутимой Скели.
И обомлел на миг сексолог Беня.
– Вес 147? – удивился доктор,
Очки с досадою бережно протер он. —
Сложна проблема, это вам не шутки,
Два килограмма набрали за сутки.
И, если эти темпы сохранятся,
То не придется долго удивляться.
К концу сезона двести наберете.
Наверно, постоянно что-то жрете?
– Да, ем, и мне жевать охота,—
Хот-дог, две порции достала
И челюстями сочно разжевала.

– С таким неутолимым аппетитом
Вес возрастет, а с ним и габариты.
Дверь станет в кабинет мала,
Реальный риск сойти с ума
От тяжести, одышки, перегрузок,

Когда мозгами управляет пузо,
Желудок постоянно пищу жаждет
И организм он подорвет однажды.
— Коль буду голодать, обвиснет кожа
И стану на скелет тогда похожа,
Останется большой лишь рожа, —
Ему Одарка смело возразила. —
А я хочу быть пышной и красивой.
Питаюсь плотно, зная меру,
Своим инстинктам свято верю.
Советами, пожалуй, сыт не будишь,
Здоровье драгоценное загубишь.
Дан человеку рот, желудок,
Чтоб поглощать любые блюда,
Напитки крепкие и разносолы,
Тогда не будет страшен голод.
Иначе жизнь неинтересна,
Когда без смака пища пресна.

— Признаюсь, что навел я справки:
В столовой часто просите добавку.
Жаркое, шницеля, лангет, котлеты...
Вредят, ведь вам назначена диета, —
Напомнил деликатно Беня
С опаской озирая Склею, —
Ворчите, недовольные меню?

– Да, порции малы, на зуб коню, —
С досадою она рукой махнула,
На эскулапа поглядела хмуро. —
Когда под ложечкою у меня сосет,
То за еду отдать готова все.
И, даже честь свою девичью,
Не обойтись мне без хорошей пищи.

– Мадам, вы только не ленитесь,
Вплотную аэробикой займитесь.
Сжигают лишний жир движения,
Тогда идет процесс омоложения.
– Не для меня такие упражнения,
Приятны процедуры понежнее.
Внушали мне, табак спасает?
– Да, никотин кобылу убивает.
Рак легких провоцирует, саркому, —
Ответил Беня ей с укором. —
Увы, махорка не поможет,
Лишь огорчит и потревожит.

– Так, где от бесплодия панацея?
Я на курорте вашем захирею! —
В отчаянии воскликнула Одарка. —
От мысли этой холодно и жарко.
– Прохладно ныне, день осенний,

Поплавайте, пожалуйста, в бассейне.
Вода морская укрепляет тело,
Нырять с вышки и купайтесь смело.
– Но это разжигает аппетит.
Урчит желудок, жрать велит?

– Открою вам простой секрет:
Секс-терапия даст большой эффект,
Как в годы молодые и шальные,
Калории сжигает жировые.
Полезен будет вам роман курортный,
Но чтобы без скандала и аборта...
– Хочу, хочу зачать, ведь я бесплодна!
– Ах, поступайте, как угодно.
Не подмочите имидж заведения,
Примерное должно быть поведение.
Не дети здесь, а взрослые клиенты,
Не нарушайте этики моменты
Надеюсь, объяснил я четко, ясно?
– Да, доктор, поняла прекрасно.

– Не обессудь, природа человека,
Инстинкты нам даны от века.
И в этом тоже есть потребность.
От воздержаний неизбежна вредность
Для функций живого организма

Необходима каждой самке близость...

– Но и самцу, – заметила Одарка.—

Ведь без него не состоится спарка.

– Да, это никому уже не странно,
Лишь импотенты тлеют без романов.

Кто без дефектов, те других находят

И весь сезон курортный хороводят,

Пока не истечет путевки срок,

Такой роман для тонуса лишь впрок.

Пока на череп давит похоть,

То с настроением будет плохо.

Инстинкту надо срочно покориться,

Влюбиться, страстью насладиться.

– Но у меня законный муж?

– Объелся он соленых груш.

Средь мужиков немало рогоносцев

И ваш супруг пусть облизнется.

Особа вы – объемна, колоритна

И для партнеров очень аппетитна,

Избавиться бы вам от целюлита.

Из одного замешаны мы теста:

Женой мечтает стать невеста,

Жених – достойным мужем.

Запретный плод, как воздух, нужен,

Чтоб оценить, сравнить с супругой,

На стороне имеет он подругу.
Статистика, увы, в стране такая,
Что женщин больше, потому страдают.
Свободных не хватает мужиков
Для свадеб и супружеских оков.

– С супругом сотни раз зачать пытались,
Не получилась почему-то завязь?

– А муж у вас, такой же великан?

– В два раза легче, робкий, как баран.

Сама я на себе его женила.

Для профилактики слегка побила,

Чтоб не ворчал и не качал права,

Знал, кто сильней, тот в доме голова...

«Суровая и строгая особа,
Такая баба доведет до гроба,

Смотреть за нею надо в оба.

Имея крупный вес и габариты,

Не спустить никому она обиды.

Как бегемот, раздавит массой

Любого мужика и... баста», —

Задумавшись, встревожился сексолог,

Вообразив Одарку бабой голой.

– Коль полюблю кого, до гроба,

Такая я прекрасная особа,—

Надменно, гордо сообщила Склея
И пробежал мороз по телу Бени,
Как будто не жара, а стужа.

– Не повезло вам, видно, с мужем,
Породистый производитель нужен,
Чтоб страстная свела любовь,
А для забавы подойдет любой.
Чтоб не алкаш, а был спортсменом,
Под стать вам, рослым, здоровенным
Силовиком, товарищем военным,
Чекистом или же гвардейцем,
Тогда лишь на успех надейся.
Не тюфяком с пивной утробой,
Намаетесь тогда без толку оба.

– Где отыскать гвардейца мне такого?

– Среди пациентов есть немного.

– Банкира мне бы или депутата,

Не карлика с большой зарплатой.

Я одарю их светлую любовью,

Желания, капризы все исполню.

– Да, есть такие пациенты,

Но среди них немало импотентов

Бессильны без виагры и женьшеня, —

С досадой сообщил Одарке Бенья. —

Волнуют их не женщины, а деньги.
И потому слабы они в коленках,
Вам подойдет партнер военный
И, если вам с зачатием повезет,
Тогда продлится непременно род.
Не скрою, буду, даже очень рад
За ваш роман и славный результат.

– Спасибо, доктор, вы вселили веру,
Приму для похудения я меры.
Взглянула Скеля на его фактуру:
«Тщедушный, не по мне натура.
Умен, радушен, видно из евреев,
Советами, словами душу греет.
Обнять его придется нежно все же,
Авось, Господь за доброту поможет.
Меня, как говорится, не убудет,
Зато мои он чары не забудет.
К тому же спец, секреты секса знает,
Учился в вузе, не на сеновале.
Чтоб без обид, душевных ран,
Предложит оптимальный вариант,
И испытаем общее блаженство,
Ведь мужику нельзя без женщин».

– Вы – холостяк или обручены?

– Романы нам, увы, запрещены! —

Намек Одарки он по взгляду понял. —

Меня за связь с клиенткою уволят...

– Ах, жаль, по доброте душевной,
Хотела окунуть вас в страсти бездну.

– От глаз чужих здесь ничего не скрыть,
Готов вас платонически любить.

Имеют стены и глаза, и уши,
Чтоб постоянно разговоры слушать...

Увидел, что Одарка огорчилась.

– Не обижайтесь, есть другая близость.

Душевное общение – тоже благо.

Вперед смотрите с честью и отвагой.

Интим – сугубо трепетное дело,

Себя цените, дорожите телом.

Задумалась и нежно прошептала:

– Хочу вам подарить кусочек сала,

Не польское, что пресное, как мыло,

Бекон с прослойками мясными.

Как белый рафинад, он тает,

Бодрит и чувства возбуждает.

Под перцем красным чудо-сало.

Сама его солила и кусала...

– Кусала? – удивился, сдвинув брови.

– Точнее, я снимала часто пробу.
Вкуснятина, запомните до гроба.
Кто, хоть разок салыце мое вкушает,
Тот насладиться снова возжелает.
Гурманом, саломаном станет верным,
В порядке будут и прибор, и нервы.
А на лице улыбка и румянец,
Как будто сытый иностранец.

С восторгом говорила, с упоением,
Как будто о любви вещала фея.
Подумал: «Ей диета бесполезна,
Смакует все, что в рот полезло.
Не дрогнет, харч неся ко рту, рука
И щеки, как мешки, у хомяка».

– Со жгучим перцем и со шпигом,
Из номера я принесу вам мигом?
– Благодарю, – подумал: «Вот, зануда». —
Предпочитаю рыбные я блюда.

— Жаль, сало из Полтавы бесподобно, —
Заметила Одарка благородно.
И вспылала, возжелала скоро
Она для секса крепкого партнера.
Чтоб был неутомимо сильным
Особенно горяч, любвеобильный.

Вдруг и без грязи крупно повезет,
Завяжется в экстазе сладком плод.

На субмарине, совершив вояж,
В тот санаторий прибыл мичман Кряж.
Лет тридцати пяти, высокий, стройный,
Не новобранец, настоящий воин.
Точнее, волк морской, бывалый,
С деньгами и соленой славой.
Приехал не лечиться – отдохнуть,
Со знойными девицами гульнуть.
На череп грушевидный давит сперма,
Здоровью угрожая, даже нервам.
Для тонуса и флотского порядка,
Необходима срочная разрядка.
Снять напряжение в членах,
Проблема актуальна для военных,
Особенно для экипажей флота,
Когда нет бабы, а любить охота.

Полгода был в походе и не меньше,
Изголодался без горячих женщин,
Глазами прожигал теперь их нежно.
И в каждом взгляде закипала страсть,
Свою осознавал над ними власть.
Признался честно: с кучей денег

И за любовь рублей не пожалеет.
Втесалась Скеля в конкурентов рать,
Желая лучшей среди прочих стать.

Решила потеснить она соперниц,
Чтоб оценил ее средь первых.
И вместо крема применяла сало,
Лицо ее лоснилось и блистало,
Как в небе плоская Луна,
Зато была достоинства полна.
Желала к Кряжу прикоснуться,
Чтоб в нем самец проснулся
И возжелал бы страстно Скелю,
Тогда в душе бы соловьи запели...

Вблизи бассейна проходила лихо,
Передвигая ноги, как слониха.
Крутые плечи, как у дискобола,
И командирский, хрипловатый голос.
Тугая грудь – художника мечта,
Коль амазонок блекнет красота.
Не пятого размера, а шестого,
Для обольщения главная основа.
Вообразив себе картину секса,
Готовы «женихи» спасаться бегством.
С бабищею тучною не совладать,

Изящных, хрупких легче брать.
Подарками, валютой покорять.

Когда займет «наездницы» вдруг позу.
То есть тогда реальная угроза
Погибнуть на любовном ложе.
Партнер легко раздавлен будет
И телом мощным, и пудовой грудью.
А меры осторожности не зная.
Того гляди, еще чего сломает.
Да, при таких огромных габаритах
Есть риск стать инвалидом.
В пылу азарта неумной страсти
Серьезная скрывается опасность.
Следя за тушей с толстыми ногами,
Экзотику «любили» лишь глазами.

Вначале Кряж обхаживал шатенку,
Хотел из гейши сделать грелку,
Чтоб ублажала похоти шальные,
Но быстро ночи кончились хмельные.
Срок миновал, шатенка улетела.
На смену ей блондинка подоспела.
Призвать его к приличию пытались,
Он отвечал, лукаво усмехаясь:
– Неутомим я, как Распутин Гришка,

Изящных обожаю баб, не пышных.
Чтоб не была она холодной жабой,
В экстазе страстном полыхала жаром.
Не оценил Одаркиных усилий,
Блондинкой очарован был красивой.
На катере прогулки, рестораны,
Был от утех любовных пьяным.

«С Одаркой, что не так, то взгреет,
Держись, моряк, подальше от мегеры.
Хорошеньких немало рядом кошек,
Тугая грудь, прелестны ножки.
И никакого для здоровья риска
Со знойной, ласковою киской», —
Взирая на хохлушку, думал Кряж,
Когда она наведалась на пляж.
Песок под нею зыбко проседал,
Катились волны бочкой на причал.
Тянулась цепь следов за ней,
Как за невестой, длинный шлейф.
Едва воды, песка слегка касаясь,
Соперницы, как лани, разбежались.
Чтоб на орехи им не перепало
От Скели – спутницы скандалов.
Она пропахла чесноком, цыбулей,
На замечания крутила дули.

На ноги, что колонны Колизея,
Альфонсы озабоченно глазели.
К мадам опасно подступиться.
Придется до семи потов трудиться.
Увы, партнера отыскать непросто,
Они пред нею карликового роста.
Перевелись богатыри, похоже,
А Скеля больше «голодать» не может.
Ей организм о том напоминает,
Не спит ночами, без любви страдает.
Того гляди, что аппетит утратит
Или неврозы от досады схватят.
И не поможет сало из Полтавы,
Нужны Одарке сладкие забавы.

Быт санаторный полон слухов,
Ей донесли: Кряж обозвал старухой.
Большие, мол, смущают габариты
И бедра широки, как то корыто.
А стан, как фюзеляж у самолета.
С такою кувыркаться неохота.
Хоть с субмарины, а не с бала.
Но не полезет на кого попало,
Найдет для секса лучшую подругу.
Красавицу с упругой грудью.

Не тумбу, не колоду и не тушу,
Что невзначай в объятиях задушит.

Ему нужны прелестницы моложе,
Любую на лопатки он положит.
Чтобы стройны, свежи, красивы,
Как жрицы и нежны, и шаловливы.
Никто не устоит перед харизмой
Подводника, защитника Отчизны.
Победами он на любовном фронте
После похода был довольный.
Все «крепости» позорно пали,
Когда в объятия его попали.
Коллекцией побед гордится,
Не отказала ни одна девица.

Матерых баб Кряж стороной обходит,
Наивных девок в номера уводит.
Язык держать не хочет за зубами,
Краснеют от его рекламы дамы.
Прослыл он сердцеедом Казанова,
Романы, заводя с подругой новой.
Одарка среди ночи просыпалась
И очень быстро сало убывало.
Отправила супругу телеграмму:
«Пришли-ка, сала 10 килограммов.

Побольше перца, чеснока и лука,
Здесь без еды тоска и скука.
Бессонница гнетет, ем среди ночи,
Желудок утра ждать не хочет.
С харчами вечная проблема,
На днях сальце последнее доем я.
Коль любишь, то поторопись,
Ведь на кону мое здоровье, жизнь.
Домой вернуться не хочу скелетом.
Посылку жду. С большим приветом!»

Дословно треп Одарке сообщили,
Что «рыцарь сердца» сообщил мужчинам:
«У Скели нет фигуры, только брюхо
И по годам, считай, уже старуха.
Толста, как тумба для рекламы,
Меня такие не прельщают дамы.
Стан у нее, что фюзеляж у самолета,
С слонихой кувыркаться неохота.
Пожалуй, слишком сальная порода.
К тому же распирает бабу гордость.
Одарку не согрею, даже даром
Для бугая колхозного подарок.
Коварны и хитры тяжеловесы,
Вампиры обитают в них и бесы.

Предпочитаю граций звонких,
Изящных, знойных, тонких.
Наездниц и прекрасных, и искусных.
Утехи с ними – высшее искусство.
А с жирной бабой – рабский труд.
Пусть принца на осле упрямо ждут.
Возможна вязь, но с голодухи,
Коль граций нет, одни старухи».

Одарку отношение взбесило,
Себя считала пышной и красивой.
Была с императрицей Катькой схожа,
Но ростом выше, тяжелее, моложе.
Упитана роскошная матрона,
С такой писать картины и иконы.
«Гуляка Кряж – трепло, нахал,
Другое дело, если б переспал.
По сути, подорвал авторитет
Найти партнера шанса нет».

Взыграла кровь, обида захлестнула,
Одарка губы алые надула.
И, даже потеряла аппетит,
Ведь организм любить велит.
И тело властно ласки просит,
А Кряж пируя, с девками матросит.

К другим и холодна, и равнодушна,
Одарка извелась в постели душной.
Кусает губы в трепетной истоме
И тело от желаний сладких ломит.
Ей бесконтактный флирт неинтересен.
Любовь неразделенная без песен.

Самец неутомимый очень нужен,
Чтоб круто мял и яростно утюжил.
Желает спермы вдоволь получить,
Чтобы зачать и первенца родить.
Не важно, что от донора чужого
Для счастья долгожданного, земного.
Ведь извелась она до утомления,
Мечтая песни петь над колыбелью.
Да, женщина подобна скрипке,
На ней играть завещано с улыбкой.
Как яблоня цветет и плодоносит
И грешен тот, кто камень бросит.

Напрасно нос воротит от брюнетки,
Не ведал мичман, что придет ответка.
Суша блондинка, будто вобла.
Ослеп наверно, огрубел утробой,
У Скели грудь крута и ягодицы,
А он нашел скелет, а не девицу.

«Моей не замечаешь красоты?
Об этом горько пожалеешь ты», —
В Одарке буйно ревность закипала,
Забыла про консервы, даже сало.
План неизбежной мести осенил,
А Кряж роман с блондинкою крутил,
Как бард Высоцкий пел: «напропалую»,
На брудершафт, лаская и целуя.
В постели мял ее, как пластилин,
Тела пылали от такой любви.

Похолодало, опустели пляжи,
Подстерегла она в бассейне Кряжа.
Плескался он, нырял и пел, ликуя,
И пиршество медовое смакуя.
Взлетали вверх и падали качели,
И соловьи у изголовья пели.
Вообразив, что снова повторится
В блондинке ночью растворится,
Познает снова вкус блаженства,
Жить стоять, ради знойных женщин.

Не удостоил Скелю, даже взгляда.
Хотя она, как слон, шагала рядом.
И невозможно тушу не увидеть,
Ее он равнодушием обидел.

Дышала жарко, страстно, пылко,
Но он, чудак, помешан на блондинке.
Занозой уколол большое сердце,
Теперь от мести никуда не деться.

И ревностью коварной пламенея,
Вскарabalась на вышку Скеля.
Три метра высота, но есть и пять,
Тогда не сможет косточки собрать.
Вообразив любви забавы, мичман
Был в настроении отличном.
Одарке пышной – ноль внимания.
От ревности та скрипнула зубами:
«Ну, погоди, поймешь, зараза,
Недаром будешь мной наказан».
Подстерегла удачно Кряжа.
Свалилась сверху бомбой тяжесть.

На дно пошел, едва соображая:
«Наверно, кровля рухнула чужая?»
Пошла волна высокая кругами,
Бассейн раздался берегами.
Кряж вынырнул, глядь, Скеля,
Смеясь, от радости шалеет.
Большие, как у лошади, резцы.
– Зачем свалилась бочкой ты?

– Бесплатный для тебя массаж.
– Ребро сломала! – крикнул Кряж. —
Бабище, ты неадекватна,
В шестую надобно в палату,
Чтоб психиатр и санитары
Тебе мозги сумели вправить.
Смирительная рубашка
Тебе теперь к лицу, барашка...

– Не ной, из-за тебя, амбала,
Ушибла попу, пострадала,
Не мичман флота, а балбес ты,
Не уступил красивой даме место,
Не считаешь кодекс этикета
И на орехи получил за это.
Наукой наперед пусть будет,
За честь свою я встала грудью.
Здоровьем, жизнью рисковала,
Случайно с вышки я упала.
Считай, что поскользнулась,
Не удержали ножки пузо.
Поверь, ужасно испугалась,
Когда в водичке оказалась...

– Не лги, коварная мегера,
В случайность я совсем не верю, —

Скрипя зубами, возразил. —
Прощения, милости проси.
— Вот это от меня получишь, —
Она свернула крупный кукиш. —
Плескался бы в углу бассейна,
Остался б абсолютно целым.
Нет, черт понес на середину,
И под прыжок подставил спину.
Как будто здесь хозяин-барин,
Стопы корявые расставил.
Бассейн принадлежит народу,
Для всех курортников свободен.
Крестись, шепчи молитву,
Могла б с 5-метровой прыгнуть
Тогда костей бы не собрал,
На дне колодою лежал.
Тебя б в лепешку раскатала,
А так немного перепало.
Не ной, до свадьбы заживет,
Желудок цел и пищевод.
Невелика печаль, беда,
Ешь сало – лучшая еда.

– Пошла ты с салом к черту!
Жаль не мужик, то дал бы в морду,
А с бабой не пристало биться...

– Попробуй, вот моя десница, —
Из-под воды кулак достала,
Тяжелый, будто из металла. —
Как врезу, ты не зли меня,
Могу остановить коня.,
В избу горящую войти.
Не стой у дамы на пути.
Устроил для себя парад.
Сам виноват, сам виноват...
Ты бабник, мерзкий паразит,
Ущерб обязан возместить...

Напором дерзким озабочен,
Кряж на нее уставил очи.
От обвинений, слов картечи,
Лишился чувств и дара речи.
– Моих ты форм не оценил,
Решила твердо, что дебил
Скажи, кого назвал старухой? —
Гадюкой прошипела в ухо. —
Коль бабник, то молчи в жилетку,
Любого проучу я крепко.
Кряж, не сердись, любезный,
Массаж тебе весьма полезный.
Гляжу, ты тот еще подводник,
Что тыкву возит на подводе.

– Да, ты, мадам, неадекватна,
В шестую надо поместить палату,
Чтоб психиатр и санитары
Тебе мозги сумели вправить
В суде мы встретимся, кобыла, —
Он проворчал, теряя силы.
Смеялась барышня игриво.
Тяжба в суде не волновала,
Сурово Кряжа наказала.
Не оценил красу и мощь,
С ребром провозится, как вошь.
Узнает: ревность – это чувство,
Приводит, даже тихих, в буйство.
Как красота, она страшна,
Зарезать может без ножа.

Роман закончился с блондинкой
Для Кряжа грустной картинкой.
Увы, не скоро мичман Кряж
Вернется в флотский экипаж.
Возможно, списан будет
На берег с боевого судна.
Переведут на малый катер
За то, что Скели не учел характер.
Считал ее слонихой глупой,

Ребро сломала и ушибла ухо.
Да, ревность – ядерная сила!
Атакой с вышки мичмана сразила.
Одарку мог бы он уважить,
Господь за ласки не накажет.
Но пожалел и пыл, и семя
И дерзко отомстила Скеля.

Смирилась с болью и уроном —
На правой ягодице гематома.
Кряж оказался хреном твердым,
Авось, дадут ему за это орден.
Устала шибко спутница скандала.
Доела, наконец, кусочек сала.
Задумалась, бросая в зеву крошки:
«От голода протянешь ножки.
Не те, наверное, здесь грязи,
Поеду по другим болотам лазить.
В Чокрак полезу, вдруг поможет,
Ведь без ребенка сердце гложет».

Чтоб избежать судебной драки,
Из Евпатории сбежала в Саки.
Точнее, выперли с позором,
Но главврача испепелила взором
Своим презрительно воловьим,

Не обеспечил, мол, любовью.
Взяв срочно отпуск на неделю,
От инцидента затаился Бенья.
Желудок у Одарки не рычит,
Успела от супруга получить
Объемную посылку с салом.
Наелась с голодухи до отвала.

Как говорят: нет худа без добра.
Любовью Скеля сыта до утра,
Нашелся богатырь под стать ей.
Сменила сразу балахон на платье,
Убила запах чеснока духами.
Гордится телесами и ногами.
И пышной грудью восхищает.
В ней ухажер души не чает...
Как не старались, но не похудела,
Еще объемней стало бабье тело.

Решила Скеля, что дитя зачала.
Пред гинекологом предстала.
– Хочу, хочу УЗИ пройти,
Чтобы узнать, кого могу родить.
Сыночка-великана или дочку,
Ведь не одну пылала ночку?
Ждала я долго случай этот,

Порадуй, доктор, не тяни с ответом.
Заботливым будь и любезным,
Я извелась, желаю доброй вести.
Велел ей, не стыдясь, раздеться
И жестом указал на кресло.
С трудом вскарабкалась она.
Тревожной радостью полна.

– Не подтвердился ваш прогноз, —
Ответил сухо на ее вопрос. —
Зачатья нет, но жира много,
Для организма тяжела утроба
Инфаркт или инсульт грозит,
Мадам, умерьте аппетит
Мучное, сало, углеводы
Калечат женскую породу...

– Как жить без чеснока и сала? —
Одарка с болью прошептала. —
Обвиснет, дряблой станет кожа
И буду на скелет тогда похожа.
Такая жертва для красоты опасна,
Садиться на диету не согласна.

В хмельных утехах дни летели,
Задумалась о перспективе Скеля:
«Такой мне богатырь и нужен,

Как глину мнет и яростно утюжит,
Достоин быть не хахалем, а мужем.
Неутомимый, очень пряткий.
Меня желает видеть скрипкой.
Не контрабасом или барабаном,
А только скрипкой или же гитарой.
Такой скрипач душе по нраву,
Приятны мне интимные забавы
По тайному трактату Камасутра
Он, как философ, поступает мудро.

Как имя жениха? Не назову,
Иначе бабы быстро уведут.
Не уступлю, я горяча, ревнива.
Кряж испытал, плетется криво,
Залечивает бабник раны,
Теперь ему не до романов.
Не мною, а судьбой наказан,
Чтоб впредь не презирал, зараза,
Тех, кто сильнее его и круче,
Иначе в пах ногой получит.
С кувалдою она сравнима,
Не пролетит мошонки мимо.
Храню оружие на крайний случай,
Кто оскорбит, тот и получит.
Меня запомнил Кряж до гроба,

Десятой будет обходить дорогой.

Кто скажет: баба – слабый пол,
Избит тот будет, от бессилия зол.
Подруги, ешьте с луком сало,
Чтоб мужикам не показалось мало.
Снопам под каблук падут
И олигарх, и мелкий плут.
А коль объявим забастовку,
То на Луну завоют волком.
Способны мы обезоружить,
Ведь сами выбираем мужа,
Любовника богатого в придачу,
Чтоб удержать в руках удачу.
Мне роносец-свинопас сгодится,
Ведь салом следует кормиться».

Успела Скеля учинить бардак,
Прогнали даму из курортных Сак
Была ли драма? Неизвестно.
Уехала с богатырем «невеста»
В село большое под Полтавой,
Где вдоволь лука, чеснока и сала
История в реальности такая,
Когда инстинктам слепо потакают.

Светская львица

1

До дня сего проблем, забот, не зная,
В застолях дни Надежда прожигала.
Гордилась тем, что величали львицей,
Но не желали, хоть убей, жениться.
Вдруг накатила полоса заката,
Когда за жабры взяли мецената,
В визитках слыл министром,
Но оказался ушлым аферистом.
Прославился матерым спекулянтом,
На рынок поставлял «бриллианты».
Считался кавалером модным,
Держал Надежду на пайке голодном.
Когда грозила, что сбежит,
Отщипывал немного барыши.
И в барышне воспламенялись чувства
От этого лукавого искусства
По оболъщению дам наивных,
Когда симпатий дефицит взаимных,
А только корысть и расчет
Их не по жизни, по пути ведет.

Изюминкой считала и талантом
Большие губы, что алели бантом.
Из силикона грудь ее тугая
Поклонников размером поражала.
Конечно, ноги стройные и бедра,
Что вызывали и восторг, и гордость.
Таким вот, обладая арсеналом,
Она мечтала быть царицей бала.
Чтоб ей дарили яхты и дворцы
Чиновники, банкиры, удальцы,
Что возродили на гаремы моду
За счет казны послушного народа.
Увы, одна осталась у корыта,
Что бытом, как волной, разбито.
«Опять попутал ухажера бес,
На жизнь я не скопила средств, —
С печалью осознала вдруг Надежда. —
Теперь не будет радости, что прежде.
Подскажет, может выход Серафима?»
Подруге по мобиле позвонила:
– Родная, приезжай, решим задачу.
Я без тебя тоскую, горько плачу.
Утешь вдову, что не была женой,
Увел Альфреда от меня конвой.
С финансами он где-то просчитался
И в руки полицейские попался.

Оставил, не поверишь, без гроша,
Хоть в петлю лезь. Быстрее приезжай.

2

И в панике примчалась Серафима,
С подругой покутить она любила.

– Надюша, успокойся, дорогая,

От этого никто не умирает.

Срок отсидев, появится Альфред,

Из головы ты выкинь дикий бред

Насчет петли, иного суицида.

Конечно, понимаю, есть обида...

– О нем, какая у меня печаль?

Пусть на казенных посидит харчак.

– Так значит, не дождется сухарей

Твой ненаглядный чародей?

– Мы были с ним в гражданском браке,

Пусть поживет теперь в бараке.

Однажды с ним в экстазе залетела,

Пришлось аборт у акушерки сделать.

– О. глупая, взяла б и родила.

– Он настоял, такие вот дела.

Мол, дети совершенно ни к чему,

Любовницу желал, а не жену.

Признался, что в него вселился бес,

Ему соития нравится процесс.

– Еще б, поди, губа не дура,

Чтоб обнимать и мять твою фигуру.

– О, Фима, прекрати, не возбуждай,

Совет полезный поскорее дай.

Альфред бесился, куролесил с жиру,

Валюту не давал, а сам транжирил.

– Хотя себя считала королевой,

Твой жеребец еще ходил «налево».

– Так значит, спал с тобой, кобыла?

– С чего взяла? – поникла Серафима.

– По запаху духов определила.

– Не я одна, очаровал он многих,

А оказался, как альфонс, убогим.

До дня сего со мной не рассчитался,

За то, что, наслаждаясь, кувыркался.

– Признаюсь, у меня бриллиант,

Но не хочу сдавать его в ломбард.

Коль попадет он к ушлому еврею,

Обманет, обязательно «нагреет».

– Бриллиант? Прикидывалась бедной

И почему я узнаю последней?

Сейчас же покажи вещицу! —

Одна другой велела львица.

Надежда из шкатулки, без сомнения

Достала золотое ожерелье.

Сверкали и рубины, и алмазы.

– Какая прелесть! – восхитилась сразу

Подруга, с жадностью примерив.

– А может это бижутерия? —

Сказала, обзрев себя в трюмо. —

Сияет слишком холодно оно.

– С чего взяла, гляди-ка в оба

На ожерелье заводская проба, —

С обидою Надежда возразила.

– А я бы показала ювелиру.

Такое украшение я хочу,

Оно подходит к платью и лицу.

Валютою я твердой заплачу?

– Не продается, предлагаю кольца

– Скажу, что не пустеет мой ларец,

Цепочки в нем и множество колец.

Кулоны есть, из платины браслет

И только золотого ожерелья нет.

– Завидовать, прошу, не стоит,

Богатство, роскошь – дело наживное.

– Проехали, – сказала Серафима. —

Никто не запретит нам жить красиво.

3

– Понятно, на Альфреде – крест?

– Да, коль его попутал бес,
Пусть за порок свой отвечает,
А мне хватает без него печали.
– Мы – жрицы, мужики – рабы,
Как те телки, доверчиво глупы.
Когда они нам семя отдают,
То сокращают свой земной приют.
Могилу роят, ради наслаждений,
Все бабники, по сути, дуралеи.
Грозит им половое истощение,
Чтобы пополнить импотентов племя.
С досады слабаки идут в запой,
Оттуда шаг до крышки гробовой.
– А разве нам соитие не вредит?
– Нет, нас сей акт всегда бодрит.
Энергию дает, восторг и радость,
Для организма, как бальзам и сладость.
Секретное оружие спортсменов,
Когда пред стартом получают сперму
От тренеров и массажистов,
А потому сильны, азартны, быстры.
Ведь это самый лучший допинг
Из той советской золотой эпохи.
Пловчихи ГДР рекорды били,
Атлеты их и мяли, и любили.
Нам, львицам, тоже секс на пользу.

А воздержание – путь к неврозам.

Поэтому, чтоб часом не завянуть,

Найду тебе я крепкого Ивана.

Нет, лучше темпераментного Гогу

Он крепок и имеет денег много,

Тогда не будет на душе тревоги.

– А, как же быть с любовью?

– О, глупая, забудь мечту коровью.

– Но с милым рай и в шалаше?

– Свихнулась от невроза ты уже.

Под шалашом дворец считают,

Не чувствам, а богатству цену знают.

Тебе удачно надо выйти замуж,

Поэтому читай, смотри рекламу.

Объявится вдруг олигарх-чудак

За красоту оценит, просто так,

Чтоб обрамляла лик его угрюмый

Своей улыбкой нежной и фигурой.

Продать красу твою бы подороже,

И пусть фортуна нам поможет.

Мечтают бабы часто о магнате.

Но, где их взять? На всех не хватит.

Там, где струятся нефть и газ,

Достаточно охотниц и без нас.

Хотя не мы должны гоняться,

Они должны нас сами добиваться.

Но слишком обмельчали мужики,
Наверно затупились их штыки.
На табаке и водке помешались
И одолела раньше срока старость.
К «клубничке» равнодушны,
Но не бывает наслаждений лучше.
Пока краса девичья не увяла,
Найдем тебе, подруга, генерала.
Жизнь потечет, как на параде...
– Но генералов тоже садят?
На прежние заслуги невзирая,
Наручники стальные надевают.
Соломенной вдовой быть надоело,
Хочу, чтоб все цвело и пело.
А свадебный мне генерал не нужен,
Как за броней, желаю быть за мужем.
Вот если б депутат иль министр?
– Увы, окольцевали их артистки,
Гимнастки, фигуристки, балерины.
Вакансий нет и ни к чему смотрины.
К тому же vip-персоны неприступны,
Поэтому и обольщать их глупо.
Чтоб закадрить богатого Абрама,
Увы, не первой свежести ты дама.
– Кто б говорил, ты тоже износилась?
– Но остаюсь магически-красивой.

Подруга Надька, пораскинь мозгами,
Что без «капусты» будет с нами?
Пойдешь на трассу кольцевую,
Водилы фур за грош тебя надуют.
Соперницы портрет испортят лихо
И будешь, как мартышка, с ликом.
Как только статус низкий обретешь,
То сразу превратишься в вошь.
Тебя, как старый ватник, затаскают.
Зачем судьба печальная такая?

– О, как же ты вульгарна, Серафима?

– Всегда бью наповал, не мимо.

Жизнь научила, нынче такова,
Что можно оказаться в дураках.

Зубастой надо быть и наглой,

Иначе скопом будут тр...ть.

Причем спяна бесплатно.

Зачем нам это меценатство надо?

– Муж нужен постоянный, не альфонс.

Чиновник, офицер, короче, бонз, —

Мечтательно произнесла Надежда. —

Шикарно заживу, как прежде...

– Мечтать, как говорят, не вредно,

Но сохраняя дух победный, —

Менторским тоном изрекла подруга. —

Я знаю, где найти сумеешь друга.
Нам следует ученых потревожить,
Найти вдовца, что краше и моложе,
Чтобы с него не сыпался песок
И был на брачном ложе прок.
Не кандидат, а доктор хим-наук,
Чтоб щедрым был, а не маньяк-паук.
Роскошная квартира, мебель, дача,
Авто, гараж... тогда, считай, удача....
– Но, где же мне такого отыскать?
Изъела душу, извела тоска, —
Спросила озабоченно Надежда.
– Чтоб добрым был и нежным,
Одаривал духами и цветами,
А отдыхали на песках Майами.
На яхте провели медовый месяц,
Чтоб называл меня принцессой.
Подать заявку, может надо в РАН?
Но немощный польститься ветеран.
Мне не по нраву роль сиделки,
Придется «судно» выносить и грелку.
Ученый может подвернуться мелкий.
Не академик, просто кандидат,
Не сможет он покрыть моих затрат.
Косметика, парфюм, элит-одежда.
Не рухнули б тогда мои надежды.

«Шанель», «Диор» и «Лореаль Париж»

Мою доселе украшали жизнь.

Привыкла жить я широко, красиво,

Мечтаю о Багамах и Мальдивах...

– РАН беспокоить нет резона,

В науке ты овца, а не персона.

Все бегаешь по кабакам, тусовкам,

Но от альфонсов никакого толку, —

Заметила подруга Серафима. —

И пролетаешь, как фанера, мимо.

В ученую среду внедриться стоит,

Чтоб поразить их взоры красотой.

Мужчины любят нас глазами,

Потом своими, как лопух, ушами

И, наконец, горячими телами.

Но надо обольстить, чтоб под венец,

Пошел с тобой заслуженный мудрец.

На кандидата ты не западай,

Со степенью, но нищий, так и знай.

Их нынче развелось, как блох,

Смотри на тех, кто накопил бабло.

На академика, он все же редкость,

Стреляй глазами страстно, метко.

Чтоб был ученый настоящий...

– Зачем мне труп ходячий?

– Среди академиков есть молодые.

Богатые, в постели удалые,
На поприще любви неутомимы.
– Дипломы, значит, куплены за сало,
Таких «ученых» развелось немало.
Какой-нибудь альфонс или дебил,
А может, даже мерзкий педофил?
В болото заведет, посадит в лужу.
Мне ушлый гомосек не нужен
Или же импотент, что неспособен,
На ладан дышит, почитай, у гроба?
– Богатою останешься вдовой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.